

Т.Е. Комаровская

**ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Т.Е. Kamarovskaya

**THE NOTIONS OF CITIZENSHIP AND NATIONAL IDENTITY
IN THE AMERICAN POLITICAL THOUGHT AND FICTION.**

В последней трети 20-го – начале 21-го веков проблема американской идентичности становится основной и для общественно-политической мысли США, и для ее культуры. Наиболее яркое проявление полярно противоположных мнений по этому вопросу представлено в книге Сэмюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» и в реакции на эту книгу, содержащейся в докладе Роберта Миккелсена: «Большой шаг вперед: Мы и Они».

В статье содержится анализ понятий гражданственности и национальной идентичности, сформулированных в этой дискуссии, и их интерпретация в романах У. Эдмондса, Г. Фаста, Ф. Рота.

Ключевые слова: поиск идентичности, культурный плюрализм, либерал, этнические группы, мультикультурное общество, диаспора.

Search for identity is the idea and the activity that sums up American intellectual life at present and the main streams of thought of its literature.

In the summer of 2004 Harvard Professor Samuel P. Huntington published a book in the United States entitled, *Who Are We? America's Great Debate*. In it he rejected the mixture of cultural pluralism and ideological civic culture that has served as the dominant definition of American nationhood for the last five decades. Professor Robert Mikkelsen, as a liberal, transnational, cosmopolitan, academic, a Democrat living abroad, views the United States as a culturally pluralistic nation made up of a variety of ethnic groups held together by a common civic culture and ideology.

The article is devoted to the analysis of the notions of citizenship and national identity expressed in this discussion and their interpretation in the novels by W. Edmonds, H. Fast and P. Roth.

Key words: search for identity, cultural pluralism, liberal, a culturally pluralistic nation,

ethnic group, multicultural society, diaspora.

В последней трети 20-го – начале 21-го веков проблема американской идентичности становится основной и для общественно-политической мысли США, и для ее культуры. Эта проблема, общая для всех стран западного мира, особенно актуальна для США, страны, изначально состоящей из эмигрантов и прирастающей своим населением в первую очередь за счет все новых волн эмиграции. Пожалуй, наиболее яркое проявление полярно противоположных мнений по этому вопросу представлено в книге Сэмюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» и в реакции на эту книгу, содержащейся в докладе известного американиста Роберта Миккелсена: «Большой шаг вперед: Мы и Они», прочитанном на Международной научной конференции Европейской Ассоциации Американских Исследований (Кипр, 2006).

Проблема «Я» и «Другой» - одна из наиболее актуальных для современной культурологии. Рассматривается она и в экзистенциализме, и постмодернистами (Лакан). Трактовка ее в докладе Миккелсена лишена упомянутых выше философских наполнений. Доклад ученого полемически заострен против книги профессора Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». Профессор Сэмюэль Хантингтон – фигура знаковая в американской науке и жизни последних двух десятилетий. В 1997 году он выпустил книгу «Столкновение цивилизаций и передел современного миропорядка», в которой утверждал, что столкновение различных сил на мировой арене во второй половине 20 века является результатом столкновения не различных идеологий или религиозных течений, но цивилизаций. Эта теория сразу же получила широкое применение в различных областях гуманитарной науки США и, увы, доказала свою правоту после 11 сентября и других событий, происшедших как в США, так и во Франции, в ряде европейских стран недавно.

В своей следующей книге «Кто мы» профессор Хантингтон отвергает понятие американской нации как нации, основанной на культурном плюрализме и идеологически сформированной гражданской культуре, служившее в течение последних 50 лет; устанавливает новые культурные нормативы для определения американской нации и разделяет нацию на тех, кто этим стандартам соответствует и тех, кто не соответствует. Делает он это по его собственным словам для поднятия патриотизма и национальной сплоченности после событий 11 сентября.

Профессор Миккелсен так определяет тему своего доклада: 1) рассмотреть спор об американской сущности (identity) в историческом ракурсе; 2) проследить этот спор в контексте взаимоотношений Америки с миром. Он напоминает, что европейское понятие нации, в основе которого кровное родство, общие ценности, общность языка, территории и религии для США не подходит. Страна была создана актом политической воли (Декларация Независимости) и посредством свода политических правил (Конституцией). Именно эти 2 документа дали идеологическое обоснование американской identity. С начала своего существования страна включала множество этнических групп с различными ценностными понятиями и языками. Ее территория постоянно расширялась. А гражданство получали все прибывающие в страну. Правда, с начала существования страны определение американской идентичности колебалось между двумя полюсами: эксклюзивная монокультура, с одной стороны, и мультикультурализм, с другой. И этот спор не был сугубо академическим. Ядро его составляла борьба за власть, за право делить нацию на «Нас» и «Их», на своих и чужаков.

Ксенофобия и лозунг 100% американизма достигли пика в 1917 году, после вступления США в Первую мировую войну. Тогда и был провозглашен лозунг главного, 100% американца – БАСП.

Идейная реакция последовала со стороны PIGS (юмористическое сокращение, имеющее в виду поляков, итальянцев, греков и славян, которых первое определение принижало в культурном и национальном аспектах. Они

выдвинули лозунг культурного плюрализма как основы американской сущности. Америка виделась им как ассоциация равных этнических групп, удерживаемых в составе одного целого идеологическими нормами гражданского общества. В основе подобного союза лежит полное равенство. Что же касается идеологических норм, то они включали свободу, эгалитарность, индивидуализм, демократию и приоритет закона, определяемого конституцией. Именно это понятие американской идентичности официально было признано определяющим нацию после Второй мировой войны – и до настоящего времени. И сейчас профессор Хантингтон, пытаясь поднять патриотический дух американцев, снова выдвигает понятие монокультурной нации, американской нации, основанной на англо-протестантской культуре, главными элементами которой являются английский язык, христианство, религиозность, вера в протестантские ценности.

Основной вопрос книги Хантингтона «Кто мы?». По его мнению, американской идентичности угрожают не только «Они», чужаки, не соответствующие его определению американской идентичности, но и те «настоящие» американцы, которые теряют свою англо-протестантскую американскую идентичность в мире, так быстро становящимся глобализованным. И в книге Хантингтона подробно проанализированы три группы представителей национальной элиты, которые предают национальную американскую идентичность.

Профессор Миккелсен ставит подобное обвинение против интеллектуальной элиты страны в один ряд с реакционными преследованиями и обвинениями в антиамериканской деятельности времен маккартизма, и вспоминает другие периоды в жизни страны, отмеченные господством реакции. Но, предупреждает он, никогда еще страх перед внешним миром не определял до такой степени самоощущение нации.

В своем докладе профессор Миккелсен характеризует себя как либерала, интернационалиста, космополита, ученого, Демократа, американца, живущего

за рубежом, и с этих своих позиций он отвергает парадигму национальной идентичности, предложенную профессором Хантингтоном, и предупреждает против нее как против идейного оружия правых, реакции, которая неминуемо повлечет за собой ущемление демократических свобод. Он предупреждает против прогрессирующего изоляционизма внешней политики США. И завершает свой доклад словами: *«Я верю, что взаимодействие культур может их взаимно обогатить и принести обоюдную пользу, и этот принцип справедлив как для мультикультурных обществ, так и в отношениях наций с различными культурными моделями»*¹.

Так, в очередной раз за 240-летнюю историю страны, происходит пересмотр понятия американской идентичности.

Понятия гражданственности и национальной идентичности, естественно, не оставались неизменными на протяжении долгого исторического пути, пройденного американским государством. Наиболее рельефно формирование гражданственности и национальной идентичности отражено в романе У. Эдмондса «Барабаны над Могавком»², воссоздающим жизнь колонистов во время Войны за независимость.

В интерпретации Эдмондса, в большинстве своем жители колоний считали себя подданными далекой метрополии. Отстаивая свои права, свою свободу и независимость в ходе враждебных действий английских войск, они впервые ощутили себя **американцами**, сражающимися за свою Родину – землю, на которой они жили. Созданный в самый разгар Великой Депрессии и наступления фашизма по всему фронту, роман Эдмондса был призван вдохнуть в американцев мужество и уверенность в победе над тяжелыми жизненными обстоятельствами напоминанием о мужестве и стойкости их предков, отстаивавших свою землю и право на свободу в сходных, по мнению автора, но еще более драматичных, исторических условиях.

¹ Электронные материалы докладов, представленных на конференции EAAS 2006г

² *Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938.*

Художественная задача, поставленная автором перед собой, определила пафос его романа, пафос прославления героической борьбы народа, поднявшегося на борьбу за свою землю и свои права. Этот пафос нашел выражение не только в философии истории Эдмондса, заключенной в романе, но и в идее истории, по Р. Коллингвуду, воссозданной в нем. Эдмондс показывает, насколько в начале Войны за независимость его героям, простым фермерам, безразличны идеалы Революции и насколько мало они осведомлены о том, что происходит в стране. "Простой фермер, у которого мысли заняты сеном и пшеницей, понятия не имел, из-за чего шла война ... все, что он вспоминал, это начало 1775 года, когда Батлеры и Джонсоны вместе со своим шерифом Александром Уайтом проехали по всей долине, чтобы срубить шесть свобод, перед церковью Хекимера, так же, как перед этим они сделали в Канауаге»³. Перемены в настроении жителей долины Могавка начинаются после первых же налетов индейцев, инспирированных руководством британских войск и жившими в долине сторонниками Короны. "Впервые они начали понимать, что только они сами смогут защитить себя"⁴. Впрочем, пройдет немало времени, много тягот, лишений и похорон близких придется пережить фермерам долины, не раз они будут обмануты посулами Конгресса защитить их, прежде чем это понимание перерастет в конкретные действия и фермеры, организовавшись в отряды милиции, в бою с врагом ощутят, что они могут постоять за себя. Эдмондс мастерски показывает, как в боях за свою землю и независимость рождается новое чувство родины, которая для них уже тесно связана с совершающейся революцией. И вот уже герой романа Джил, фермер и только фермер до мозга костей, при виде американского флага ощущает, что он "значит нечто большее, чем флаг Континентальной армии"⁵, что он - его и знаменует победу и мир. В плане выражения авторской философии истории, того значения, которое он придает борьбе жителей долины Могавка в ходе Войны за независимость,

³ Ibid. P. 168.

⁴ Ibid. P. 194.

⁵ Ibid. P.446.

знаменательно совпадение маленькой победы фермеров, разбивших армию Батлера и очистивших т.о. долину Могавка от врага, с победой большой, победой Вашингтона над войсками Корнуоллиса в Виргинии. По мысли Эдмондса, победа американцев в Войне за независимость и образование американской нации не были бы возможны без подобных "малых" побед, без активного действия на новой основе широких народных масс, обретающих в этих боях чувство своей новой Родины.

Исторический роман Эдмондса отразил наболевшие проблемы эпохи, в которую он был создан; интерпретация истории в "Барабанах над Могавком" своим пафосом прославления активного политического действия широких народных масс и обличения классового антагонизма, проявившегося еще во времена Революции и Войны за независимость, заложенного в основу американского государства, подготовила почву для появления исторических романов Г.Фаста об американской революции.

Создается впечатление, что наиболее значительный создатель американского исторического романа XX века Г.Фаст обращается к прошлому в поисках своих корней. Двойственность этих корней определяет тематику его исторических романов. Как американец, он ищет исторические корни своей нации в событии, основном для формирования нации и ее национального сознания - в Войне за независимость, в Революции. Результатом этого поиска стала целая серия исторических романов о Революции, создаваемая им на протяжении всего его творческого пути: "Рожденная для свободы" /"Conceived in Liberty", 1939/, "Непобежденные" /"The Unvanquished ", 1942/, "Гражданин Том Пейн" /"Citizen Tom Paine ", 1943/, "Гордые и свободные" /"The Proud and the Free," 1950/, "Апрельское утро" /"April Morning", 1961/, "Переправа" /"The Crossing ", 1972/, пьеса "Генерал Вашингтон и водяная ведьма" /"General Washington and the Water Witch", 1956/.

Как еврей, он обращается к далекому историческому прошлому своего народа, пытаясь осмыслить его трагическую судьбу и увидеть в ней прообраз проблем, постоянно возникающих в поступательном движении человечества.

В результате в его творчестве появляются такие исторические романы, как "Мои славные братья" /"My Glorious Brothers ", 1948/, "Моисей, Принц Египта" /"Moses, Prince of Egypt ", 1958/, "Дочь Агриппы" /"Agrippa's Daughter ", 1964/, "Торквемада" /" Torquemada ", 1966/.

"Американская мечта" оживает в романе "Рожденная для свободы" на уровне идеи истории, в мечте и жизненном подвиге еврея Аарона Леви, участника восстания Костюшко, сосланном в Сибирь, бежавшим оттуда и добравшимся до Америки, чтобы сражаться за революцию, которая даст землю всем людям. В его словах: "Это - новый мир"⁶ - рождение американской мечты о новом обществе и новых людях, населяющих его. В мечте страстного приверженца революции Джейкоба, воюющего за свободную землю, на которой будет царить новый, отличный от Европы, миропорядок.

Говард Фаст в романах, посвященных Войне за независимость, делает упор на классовом характере этой войны, но и он подчеркивает общий патриотический порыв, соединяющий неимущих, солдат Революции, в борьбе за новый мир на их земле. Воссоздавая историю восстания Интернациональных бригад Пенсильванской армии, он подчеркивает интернациональный характер американцев, объединенных патриотическим чувством гордости за рождающийся в муках новый мир, за их новую родину, единую для англичан, поляков, евреев. Фаст не проводит никакой разницы между ними. В его интерпретации Интернациональные бригады во время Войны за независимость были таковыми не только по этническому составу, но и по духу. Они ощущали себя **американцами**. Целью восстания, по признанию главного героя, от лица которого ведется повествование, было "не только реформировать Пенсильванский фронт Революционной армии, но ... наши жизни и нашу судьбу и жизни и судьбы народа на нашей земле..."⁷

⁶ . *Fast H. Conceived in Liberty. N.Y., 1945. P.62.*

⁷ *Fast H. The Proud and the Free. Boston, 1956. P.43.*

Говард Фаст - большой мастер исторической реконструкции, "проигрывания", по Коллингвуду, воссоздания мировосприятия людей описываемой им эпохи и общественного сознания американцев 70-80-х годов ХУ111 века. Он выявляет национализм, расцветший пышным цветом в революционной армии, проводниками которого были офицеры, "дворянство", и показывает, что в многонациональных бригадах между солдатами не существовало национальных разногласий или антипатий, их военное братство было скреплено вместе пролитой кровью и совместно переносимыми тяготами и лишениями. Герои Фаста исповедуют принципы Декларации Независимости и цитируют их, как свое жизненное кредо: "все люда сотворены равными; они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди них - право на жизнь, свободу, поиск счастья"⁸.

Поиск своей идентичности стал основной темой и лучших, наиболее значительных американских книг последних лет сорока, целых литературных течений: феминистской литературы, литературы национальных меньшинств (афро-американской, индейской, литературы чиканос, еврейской и других национальных групп), составляющих американский литературный пейзаж. В качестве примера можно привести мало известную на нашем географическом пространстве книгу одного из выдающихся современных американских писателей, Филиппа Рота, представляющего американскую еврейскую литературу—“Counterlife” («Другая жизнь», «Противоположная жизнь»).

«Придумывая себе другой вариант жизни, человек создает свой собственный антимиф»⁹. Эти слова из книги могли бы стать эпиграфом к ней. В основе композиции романа лежит чисто постмодернистский прием различных вариантов развития личностей и судеб его героев, двух братьев Натана и Генри Цукерманов, евреев, живущих в США. Первые две части романа посвящены трансформации младшего брата, Генри, человека, преуспевшего, казалось бы, во всем. К тридцати восьми годам он достиг

⁸ Ibid. P.27.

⁹ Roth P. The Counterlife. N.Y., 1987. P. 167.

прочного положения преуспевающего дантиста, у него хорошая жена, трое детей, прекрасные отношения с его окружением. Правда, первый сбой в его жизни, о котором он поведал только старшему брату, произошел несколько лет назад: он встретил Марию, европейку, и влюбился в нее. Чувство это было сильным и взаимным, но когда Марии пришла пора возвращаться в Европу, Генри не сумел оставить семью. Расставшись с Марией, он перенес сильный стресс. Но через несколько лет он пережил новое любовное приключение – роман с ассистенткой-медсестрой, вылившийся в бешеный получасовой секс каждый вечер после окончания рабочего дня. Старший брат считает это его формой протеста против жизненной рутины, его формой самоутверждения. Кстати, подобную коллизию, секс как форма протеста против оупляющей и нивелирующей личность действительности, единственно возможного для героя, мы встречаем в произведениях многих американских писателей 60-80-х годов (Апдайк, Чивера, Стайрона и других). В 38 лет у Генри выявилась серьезная болезнь сердца. Лекарства помогли ему справиться с болезнью, но ценой потери потенции. Генри, потеряв, таким образом, свою форму самоутверждения (в сексе) очень переживал и решился на серьезную операцию сердца. Далее повествуется о его похоронах. Первая часть книги называется «Базель», по названию швейцарского города, куда Генри мог бы уехать со своей возлюбленной Марией – его нереализованная возможность, несостоявшийся вариант его жизни.

Вторая часть книги, «Иудея», представляет другой вариант судьбы Генри, его противоположную жизнь. Генри пережил операцию, но после нее впал в тяжелую нервную депрессию, потерял смысл жизни. Случайная поездка в Израиль для восстановления здоровья помогла ему открыть его истинную идентичность и обрести смысл жизни. Посещение хедера заставило его понять: если что-то и было в его жизни настоящего, стоящего, так это то, что он еврей. *«Я не просто еврей, я не один из евреев – я также глубоко Еврей, как*

и эти евреи. Все остальное ничего не значит.... В этом – основа моей жизни.»

10

Итак, герой обретает свою идентичность. В первый раз он находит ее в свободном сексе, во втором – в своей национальной идентичности. Он становится радикальным сионистом, уезжает в Иудею, бросая жену и детей. Отныне для него «Я – ничто, Мы, Иудея,- все». Он попадает под влияние предводителя радикального течения сионизма, Липмана, о котором другой персонаж, Шуки, говорит, что от него несет фашизмом, вместе со своим кумиром поселяется в незаконном поселении на арабской территории и готов с оружием в руках отстаивать землю древней Иудеи, видя в служении еврейской государственности смысл жизни. Вторая часть книги называется «Иудея» - символ обретения героем своей идентичности

Сам автор, еврей Рот, не разделяет радикализм своего героя. Он доверяет выразить свою позицию Натану, своему alter ego в этом романе. Натан еще в юности считал, что наибольшей свободы еврей достигает в США: *«... Я не могу представить себе иное историческое общество, которое достигло бы такого же уровня толерантности, законодательно закрепленного в Америке, или которое поместило бы плюрализм прямо в центр своей публично признанной политической мечты»¹¹*. Он считает, что в Соединенных Штатах еврей более свободен, и может быть не менее евреем, чем в Израиле. Тех же, по сути, убеждений он придерживается и через 18 лет, приехав в Израиль за братом, которого он надеется вернуть в Штаты. Его поддерживает его израильский друг Шуки, сын одного из ярых приверженцев израильской идеи, бывший депутат Кнессета, прошедший войны с арабами и потерявший в них брата. Шуки - идейный враг Липмана, он считает, что идея основания Израиля – не в том, чтобы воевать с Сирией и Дамаском. Он называет Израиль родиной еврейской ненормальности и говорит: *«Мы здесь - зависимые евреи - от ваших денег, вашего лобби, от больших денежных дотаций от Дядюшки Сэма, в то*

¹⁰ Ibid. P.68.

¹¹ Ibid. P.60.

время как вы – евреи, живущие интересной жизнью, комфортабельной жизнью, без извинений, без стыда и абсолютно независимо... Факт остается фактом: в диаспоре еврей вроде тебя живет спокойно, не испытывая страха от угрозы преследования или насилия, в то время как мы живем под страхом вечной угрозы нашим жизням, хотя приехали сюда, чтобы избавиться от этой угрозы навсегда... Это мы – вечно испуганные, живущие под страхом гетто еврей диаспоры, а вы – евреи, уверенные в себе, наслаждающиеся достижениями культуры, всем тем, что сопутствует жизни на родине»¹².

Очевидно, что, по мнению автора, доверяющего своим героям высказать свою собственную позицию, национальная идентичность евреев в США сводится к общеамериканской идентичности, растворяется в ней, и это обеспечивает подлинную свободу их жизни и самореализации. Их гражданственность – это американская гражданственность на уровне самоопределения человека.

Общим понятием, характеризующим современное состояние американской литературы, стало понятие «а patched quilt»-«лоскутное одеяло», подразумевающее отсутствие в литературе США общей идеи, ее объединяющей и выражающей. На наш взгляд, такая идея существует, и состоит она в поиске самоидентичности, характерном как для литературы страны, так и для ее исторической науки, а, возможно, и других форм культуры.

¹² Ibid. P.81-82..